

Его дом был здесь, и он даже задумывался, не заглянуть ли. Но в итоге решил, что не стоит. Как говорится, что там такого, чтобы туда возвращаться?

Он даже не вошёл в город, лишь поручил У Фэну купить кое-что необходимое, а сам с рисёнком на руках устроился отдохнуть в придорожной чайной.

Лавка стояла в удачном месте, и всякий проезжающий норовил здесь передохнуть, оттого и народу было много, и дела шли бойко. Среди прочих Гу Тин заметил одну группу. Впереди шёл юноша в дорогом, изысканном платье, сам он выглядел столь же ухоженно. Заметив взгляд Гу Тиня, он улыбнулся — сладко и мягко.

Гу Тин в ответ вежливо поклонился.

Встреча мимолётная, знакомства не сулила, и Гу Тин не придал ей значения. Он не придал, а вот другой — придал.

Юношу звали Юй Синлань, он был младшим сыном в доме маркиза Ичана, поздним ребёнком маркизы. С пелёнок ему всё доставалось легко, отчего он привык быть первым во всём, добиваться всего, чего пожелает, и люто не выносил один тип людей — ровесников, которые оказывались красивее его.

А Гу Тин был как раз его ровесником, да ещё и красивее, да кожа белее!

Неприязнь вспыхнула в одно мгновение.

Впрочем, они сидели далеко друг от друга, и знакомиться необходимости не было. Юй Синлань испытывал странное чувство, больше похожее на досаду.

И тут он заметил одного человека.

К чайной приближался невзрачный мужчина средних лет с жёлтыми зубами и бегающим взглядом. Он нёс узелок, озирался по сторонам, подолгу задерживая взгляд на явно зажиточных прохожих, и шёл, не стесняясь задевать других. С первого взгляда было ясно — человек недобрый.

Что... собирается поживиться за счёт богача?

Юй Синлань заметил, как тот, пошарив глазами, вдруг оживился, увидев его, и направился напрямик сюда. Неужели выбрал его?

Какие мерзкие глаза, мерзкий тип.

Юй Синлань быстро сообразил. Взгляд его скользнул к Гу Тиню, и план созрел мгновенно.

— Кхе-кхе... кхе-кхе... — Он сделал вид, что закашлялся, и опёрся на слугу. — Болею уже который день, все деньги на лечение ушли, даже в приличную гостиницу не пускают... Не знаю, сколько ещё до столицы тащиться... Эх, кабы знаком с тем господином, может, и одолжил бы немного. Слышал, он любимец у богатого господина, умеет угождать, тот его и жалует. На дорогу-то ему серебра не пожалели, даже эту кошку уродливую специально раздобыли... Эх, разная у людей доля...

Говорил он негромко, да так, будто обращался к слуге, но угол выбрал удачный — чтобы его не слышали другие, но непременно услышал бы жёлтозубый, который как раз приближался.

Что, денег нет? Тогда с кого брать?

А тот господин богат? Да ещё и содержанка? Такого грех не обобрать! Да и дело благое — таких смутьянов проучить!

Жёлтозубый тут же передумал, развернулся и направился к Гу Тиню.

Гу Тин спокойно сидел, никого не трогая. Жёлтозубый, проходя мимо, вдруг споткнулся на ровном месте, узелок выскользнул из рук, развязался, и на землю с лязгом посыпались черепки.

— Ой, ваза-а! Семейная ваза! Ты её разбил, плати!

Гу Тин: ...

— Вы ко мне обращаетесь? — указал он на себя.

Жёлтозубый бодро рявкнул:

— А к кому ещё!

Гу Тин:

Не то чтобы он придирился, но способ был до неприличия топорный. Да и сам субъект выглядел столь отталкивающе, что даже желания расстаться с деньгами не возникало.

Гу Тин, поглаживая лениво развалившегося у него на коленях рысёнка, спокойно молвил:

— Что ж, тогда можете идти.

Жёлтозубый тут же завопил, принялся колотить себя по бёдрам и уселся на землю:

— Люди добрые, посмотрите! Приезжий честного человека обижают! Добра моего лишил, а платить не хочет, да ещё и бить грозит! У меня мать старая на одре лежит, дитя малое хворает, не было у меня выхода, как семейную ценность продавать, чтобы их спасти! А этот жестокосердный не только её разбил, но и гроша ломаного не даст! Матушка моя, детка моя, пропадём мы все, только и осталось, что помереть!

Юй Синлань, прикрыв рот платком, едва не расхохотался. Ну и зрелище, просто загляденье!

Жёлтозубый был уверен в своём методе. Прodelывал он такое не раз и знал — работает.

Дело было на оживлённой дороге, близ города, проезжали в основном чужаки. Те обычно не любили скандалов и предпочитали откупиться небольшой суммой — дешевле, чем позор. Да и он жадным не был, просил немного, так что большинство предпочитали отдать, будто нищему подаяние, — невелика потеря.

Но он сидел и выл уже который миг, а молодой господин не краснел, не бледнел, не гневался. На него пальцами показывали, а ему хоть бы что. Он и внимания-то не удостоил.

Более того, сидел, сложив руки на груди, и смотрел, будто на представление, и, кажется, даже подбадривал: мол, давай, добавляй жару, печальней будь, а то с такой игрой и гроша не получишь!

Даже кошка на его коленях оставалась невозмутимой. Шуму, гаму — ни малейшего страха. Разве что кончики ушей дёрнулись, а взглядом удостоить и вовсе не сочла нужным.

Жёлтозубый: ...

С таким он ещё не сталкивался!

Что делать? Денег не дают. Отобрать? Но он всегда только притворялся, никогда не грабил. У каждого ремесло своё, путать негоже. Да и среди бела дня как отнимешь? И что теперь?

— Плати! У меня девять ртов в семье! Не отдашь — не уйдёшь!

Угрозы, разумеется, тоже не подействовали. Молодой господин по-прежнему восседал в чайной, не реагируя.

Жёлтозубый уже охрип, да и злость подступала. Чувствовал — сегодня не выгорит. В конце концов, он вскочил на ноги, отряхнулся и, ткнув пальцем в Гу Тиня, заорал:

— Ах ты, бесстыжий ублюдок! Только и умеешь, что мужчин соблазнять, тела своего стыд не знаешь, на их подачки живешь! И не стыдно тебе? Ты ещё и гордишься? На подачках тех да на силе чужой людей честных обижаешь! Ни жалости в тебе, ни милосердия, совсем человеком быть разучился! Гляди, как бы от дурной болезни не помер!

Разошёлся он не на шутку, готовый излить весь запас похабных слов, но едва раскрыл рот, не успев и первого крепкого словца выложить, как перед ним возникла тень. Лица разглядеть не успел — его уже отшвырнуло ударом ноги далеко в сторону.

— У-ух!

На этот раз падение было настоящим. Он грохнулся на землю так, что даже кровью харкнул.

Пришелец, легонько встряхнув полую одежды, опустился перед тем самым господином из чайной.

Он был необычайно высок, черты лица — острые, жёсткие, будто вырубленные топором. Весь его облик дышал властной силой, движения были стремительны и раскованы. И в такой холод на нём был лишь тёмный, облегающий камзол, с узкими рукавами и запахом на груди. Костюм сидел идеально, подчёркивая широкие плечи, узкую талию, длинные ноги. Каждая линия тела была выписана чётко, мускулатура угадывалась даже сквозь ткань.

В этот миг, в такой позе он выглядел невероятно дерзко и могуче, так что все вокруг не могли отвести глаз!

Юй Синлань даже не заметил, как опрокинул чашку. Глаза его широко раскрылись, загоревшись азартом:

— Быстро! Разузнайте, кто этот мужчина!

Какой статный, какой грозный!

Гу Тин тоже вздрогнул, чуть не подавившись жареным арахисом.

Хо... Хо Янь?

Почему он здесь? Как он мог здесь оказаться!

Хо Янь обернулся, лицо его было мрачным, как туча:

— Ты ушёл от меня для того, чтобы позволять всякому сброду оскорблять и обижать тебя?

— Кх-кх-кх... — Гу Тин поперхнулся, закашлялся, лицо его побагровело, и он никак не мог остановиться.

Что значит «позволять обижать»? Разве он похож на того, кто даёт себя в обиду? Просто путь был долгим и скучным, а тут такое развлечение подвернулось, хотел немного позабавиться. Даже если бы Хо Янь не пришёл, он бы уже сам вмешался. Не он, так У Фэн не выдержал бы и вступился. Кто ж знал, что этот господин появится так вовремя?

Хо Янь, с лицом темнее ночи, принялся легонько похлопывать Гу Тиня по спине. Когда кашель утих, он, не дав и слова вымолвить, взял его за руку и потянул за собой:

— Пойдём.

Гу Тин не успел и пикнуть, как его уже повлекли. Рысёнок, свалившийся с его колен, пришёл в ярость и принялся шипеть на Хо Яня.

Хо Янь, разумеется, не обратил на него внимания. Не в силах остановить хозяина, рысёнок, вне себя от гнева, прыгнул с разбегу на лицо жёлтозубого, оттолкнулся, взмыл на плечо к У Фэну и, махнув лапой вперёд, рявкнул:

— Мяу-а-а-а!

Чего уставился? Догоняй, догоняй скорее!

— А-а-а! Дикая кошка поцарапала меня! Хоть заплатите сначала, а потом уходите!

На сей раз ему действительно не повезло. Ни денег не получил, ещё и пинок с царапиной в придачу. Живот болел — не повредил ли внутренности? И глаза болят — как бы не ослепнуть!

Само собой, Гу Тин не мог вырваться из хватки Хо Яня, даже не пытался. Да и вздохнуть как следует ещё не успел, говорить было трудно, так что он лишь беспомощно тыкал пальцем назад.

<http://bllate.org/book/16279/1466470>